Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010059

Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов

© 2024 г. М. Ю. Пупынина

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9,
научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
pupynina@gmail.com

© 2024 г. Ю. Б. Коряков

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1,
старший научный сотрудник Международной лаборатории
языковой конвергенции НИУ ВШЭ,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
ybkoryakov@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается ареал распространения науканского языка и языковые контакты носителей науканского языка с носителями чукотского, инупиакского и чаплинского языков. На основании литературы, дополненной данными, полученными во время экспедиций на Чукотку, ареал распространения науканского языка описывается в контексте науканско-чукотско-инупиакской многоязычной зоны, где в различной степени были распространены все три языка. Этот ареал включает помимо села Наукан острова Диомида, а также чукотские села Уэлен и Инчоун. Также дается характеристика исторического развития данной зоны за последние несколько веков, в течение которых жители нескольких отдельных науканоязычных селений сселились в одно крупное село, Наукан. Чаплинский эскимосский язык, несмотря на генетическую близость к науканскому, не входил в данную контактную зону. В статье приводятся лингвистические данные по сравнению заимствований из чукотского в науканский и чаплинский языки, свидетельствующие о том, что науканский достаточно длительное время контактировал с чукотским независимо от чаплинского языка.

Благодарность. Данное исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом, «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (грант № 23-18-00204).

Ключевые слова: науканский язык, юпикские языки, эскимосские языки, языковые контакты, многоязычие, заимствования, чукотский язык, чаплинский язык.

Для цитирования: *Пупынина М.Ю., Коряков Ю.Б.* Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58. DOI: 10.31857/S1605788024010059

Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts

© 2024 Maria Yu. Pupynina

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher of the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld.1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
pupynina@gmail.com

© 2024 Yury B. Koryakov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld.1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Senior Researcher of the International Laboratory for Language Convergence
at the National Research University "Higher School of Economics",
21/4 bld. 5 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ybkoryakov@gmail.com

Abstract. The article examines the distribution area of the Naukan Yupik language and linguistic contacts of speakers of the Naukan language with speakers of the Chukchi, Inupiaq and Central Siberian Yupik languages. According to the literature sources, supplemented by data obtained during field work in Chukotka, the distribution area of the Naukan language is described in the context of the Naukan-Chukchi-Inupiaq multilingual zone, where all three languages were widespread to varying degrees. This area includes, in addition to the village of Naukan, the Diomede Islands, as well as the Chukchi villages of Uelen and Inchoun. The article also provides a description of the historical development of this zone over the past few centuries, during which residents of several separate Naukan speaking villages resettled into one large village, Naukan. The Central Siberian Yupik language, despite its genetic proximity to Naukan, was not part of this contact zone. The article provides linguistic data comparing borrowings from Chukchi into the Naukan and Central Siberian Yupik languages, indicating that Naukan had been in contact with Chukchi for quite a long time, regardless of the Central Siberian Yupik language.

Acknowledgements. This research was carried out within the framework of a project supported by the Russian Science Foundation: "Dynamics of the language situation in the communities of the Far North: diachronic documentation of the Naukan language" (grant No. 23-18-00204).

Key words: Naukan language, Yupik languages, Eskimo languages, language contacts, multilingualism, borrowings, Chukchi language, Central Siberian Yupik.

For citation: Pupynina, M.Yu., Koryakov, Yu.B. *Areal rasprostraneniya naukanskogo yazyka: geografiya mnogoyazychiya i dinamika kontaktov* [Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 45–58. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010059

1. Введение

Науканский язык – исчезающий идиом эскимосско-алеутской семьи, относящейся к юпикской группе эскимосской ветви. До середины XX века науканский был распространен на крайнем северо-востоке России – в традиционном эскимосском селе Наукан на мысе Дежнева (Чукотский полуостров). В настоящее время носителей науканского языка, в т.ч. пассивно владеющих языком, осталось менее 50 человек; они проживают в различных населенных пунктах Чукотского автономного округа (Лаврентия, Лорино, Уэлен, г. Анадырь), некоторые переехали в другие регионы РФ.

Интересно историческое расположение ареала науканского языка на стыке культур и континентов, в самом центре Берингии. Село Наукан, по названию которого язык получил свое имя, располагалось на мысе Дежнева в 40 км от островов Ратманова (Диомида), находящихся в самом узком месте Берингова пролива. Традиционно считается, что местом распространения науканского языка был только Наукан, а территория островов Диомида в языковом смысле обычно характеризуется как инупиакская (т.е. населенная носителями языка другой, инуитской, группы эскимосских языков). Однако известно, что совсем недавно на островах Диомида существовало науканско-инупиакское двуязычие [1]; [2], так что эту территорию еще в начале XX в. можно было называть периферией науканоговорящего ареала.

С другой стороны, науканцы, многие из которых, в свою очередь, владели и инупиакским языком [1], постоянно контактировали с приморскими и кочевыми чукчами (последние, как правило, были моноязычными). Уже с конца XIX века отмечается науканско-чукотское двуязычие [3, с. 20]. Таким образом, мыс Дежнева и острова Диомида могут быть охарактеризованы как науканско-инупиакско-чукотский многоязычный ареал.

В непосредственной близости от Наукана, менее чем в 200 км по прямой к юго-западу, распространен чаплинский язык той же юпикской группы, что и науканский; однако между ними расположены многочисленные поселки моноязычных чукчей, не владевших, как правило, ни одним из этих языков. Таким образом, дивергировавшая естественным образом юпикская цепь диалектов была разорвана неродственным чукотским языком, чему предшествовал, очевидно, период интенсивных контактов чукотского с предковой формой чаплинского и науканского языков. В результате эти варианты развивались самостоятельно.

При исследовании динамики контактов науканского языка мы принимали во внимание его связи со всеми указанными языками: инупиакским, чукотским и чаплинским[1], учитывая в последнем случае не только возможности контактов между носителями науканского и чаплинского, но и степень их родства. Таким образом, нам пришлось включить в эту статью небольшой обзор, показывающий место науканского в юпикской группе эскимосских языков. В заключительной части основного текста статьи мы приводим небольшое количественное исследование чукотских заимствований в науканском языке. Эти заимствования были сопоставлены со списком заимствований в чаплинский язык. Такое сравнение позволило получить количественные данные, свидетельствующие о достаточно долгом обособленном существовании науканско-чукотско-инупиакской многоязычной зоны.

2. Методы и подходы

Данная статья – продолжение многолетнего исследования многоязычия и языковых контактов в северо-восточном ареале Сибири, результаты которого публиковались в серии статей [4]; [5]; [6]; [7]; [8].

Данные этих исследований говорят о широком распространении многоязычия, включавшего чукотский язык, на периферийных ареалах чукотской территории: на Нижней Колыме, где чукчи контактировали с эвенами и юкагирами, и на крайнем северо-востоке Евразии, в чукотско-эскимосском ареале. Многоязычные зоны располагались на периферии традиционно чукотских земель, которые были заселены моноязычным чукотско-говорящим сообществом, практиковавшим два типа традиционных экономических систем: крупнотабунное оленеводство и морзверобойный промысел. В чукотско-эскимосском смешанном ареале практиковался только морзверобойный промысел; этот ареал в широком смысле характеризовался чукотско-юпикским или, точнее, чукотско-юитским[2] многоязычием.

В центре настоящего исследования – науканская часть многоязычного чукотско-юитского ареала в период до расселения Наукана (1958).

При исследовании контактов науканского языка обобщение литературы по истории многоязычия и языкового сдвига дополняется собственными данными ретроспективных интервью с носителями науканского и чаплинского языков, записанных в 2021–2022 гг. во время экспедиций в г. Анадырь, п. Провидения и Чаплино. Методика ретроспективных интервью аналогична использованной в исследовании, проведенном на Нижней Колыме (см. подробнее [7]). Данные

[1] В данной работе мы не учитываем поздние контакты науканского языка с русским языком и гавайским английским пиджином, с которым науканцы познакомились под влиянием контактов с американскими китобоями.

[2] Вероятнее всего, дальнейшие исследования выявят также существование в прошлом чукотско-чаплинско-сиреникского ареала, однако мы осознанно сужаем задачи исследования и не включаем в анализ сиреникский эскимосский язык, распространенный ранее в непосредственной близости от ареала чаплинского языка. Положение сиреникского в эскимосской ветви эскалеутских языков весьма спорно.

о динамике распространения юпикских языков, о переходе юпикоязычных эскимосов с Аляски в Азию и о центральной роли науканского в юпикской диалектной цепи, проходящей по незамкнутому кольцу вокруг Берингова моря, взяты из литературных источников. Эти данные дополнены оригинальными картами. Сравнительно-лингвистическая часть настоящего исследования – каталогизация и сравнение чукотских заимствований – проведена на основе языкового материала, представленного в словарях [9]; [10].

3. Науканский язык: история появления Наукана

Важно понимать, что в диахроническом аспекте науканцы (т.е. жители села Наукан) и носители науканского языка – это не одно и то же. Действительно, в середине XX века на науканском языке говорили исключительно в селе Наукан, в противоположность чаплинскому эскимосскому языку, носители которого, помимо Чаплино, проживали и далеко за его пределами. Тем не менее вплоть до начала XX века существовало местечко Нунак, откуда последние жители переселились в Наукан в 1920 году. Антропологи фиксируют шесть-восемь локаций, в которых говорили на науканском (пээкском) языке до сер. XIX века, крупнейшими из которых были Мамрохпак, Наукан (Нувукак) и Нунак [11, с. 34]. Постепенно их жители стали переселяться в Наукан (санлукивцы и санлукцы переселились, видимо, сначала в Мамрохпак, более близкое крупное поселение), последними на рубеже веков, были жители Нунака [12, с. 48–49]. Нашими информантами до сих пор отмечаются совпадения названий их родов с названиями мест, где раньше жили их далекие предки. На рис. 1 представлена карта постепенного переселения жителей других селений в Наукан.

Есть данные, свидетельствующие в пользу того, что диалекты, близкие к науканскому, вероятнее всего, были распространены на островах Диомида, о. Кинг и на полуострове Сьюард (Аляска) [13, с. vi]; [14, с. x]; [15, с. 166]; [16, с. 265]. Об этом свидетельствуют, например, науканские названия островов Диомида: *Иналиқ* «более близкий, лучше видимый» для Малого Диомида и *Имақлъиқ* «находящийся дальше в море» для Большого Диомида; эти названия отражают взгляд со стороны Аляски, а не со стороны Наукана [13, с. v]. О сходстве языка науканцев и некоего идиома, распространенного в XVIII в. на Большом Диомиде, свидетельствует и сотник Иван Кобелев [12, с. 44–45].

Рис. 1. Карта древних науканских поселков, откуда в XVIII — начале XX в. происходило переселение в Наукан (по [12, с. 48–49]; [11, с. 34–35]).

В 1958 году село Наукан было расселено, а его жители насильственно подверглись переселению в поселки приморских чукчей [11, с. 273–276].

4. Науканский и чукотский. Чукотско-науканское многоязычие

Науканцы, видимо, с самого начала образования науканской агломерации контактировали как с береговыми чукчами-морзверобоями, так и с чукчами-оленеводами. На рис. 2 желтыми точками обозначены поселки береговых чукчей, а штриховкой – примерная зона распространения кочевий чукчей-оленеводов (известно, что до самого мыса Дежнева чукотские стада не доходили). Контакты с оседлыми чукчами-морзверобоями были гораздо интенсивнее. В первую очередь нам известно о связях науканцев с жителями села Уэлен, расположенного в непосредственной близости от мыса Дежнева, а также с жителями села Инчоун. Известно, что как науканцы, так и уэленцы брали в жены уэленок и науканок соответственно, и женщины в таком случае переезжали к мужьям и выучивали их языки. Ошибки чукотских женщин в науканском произношении были предметом насмешек. Рассказывает Е.А. Добриева: «Одна говорит: ой, ноги болят. Она говорила “ноги” во множественном числе, а у нас двойственное число. “Ой, ноги болят”, ноги во множественном числе болят. А некоторые женщины говорят: А сколько их у тебя?». Точно так же и науканские женщины выучивали чукотский язык в случае, если приходилось выйти замуж за чукчу и уехать в чукотский поселок.

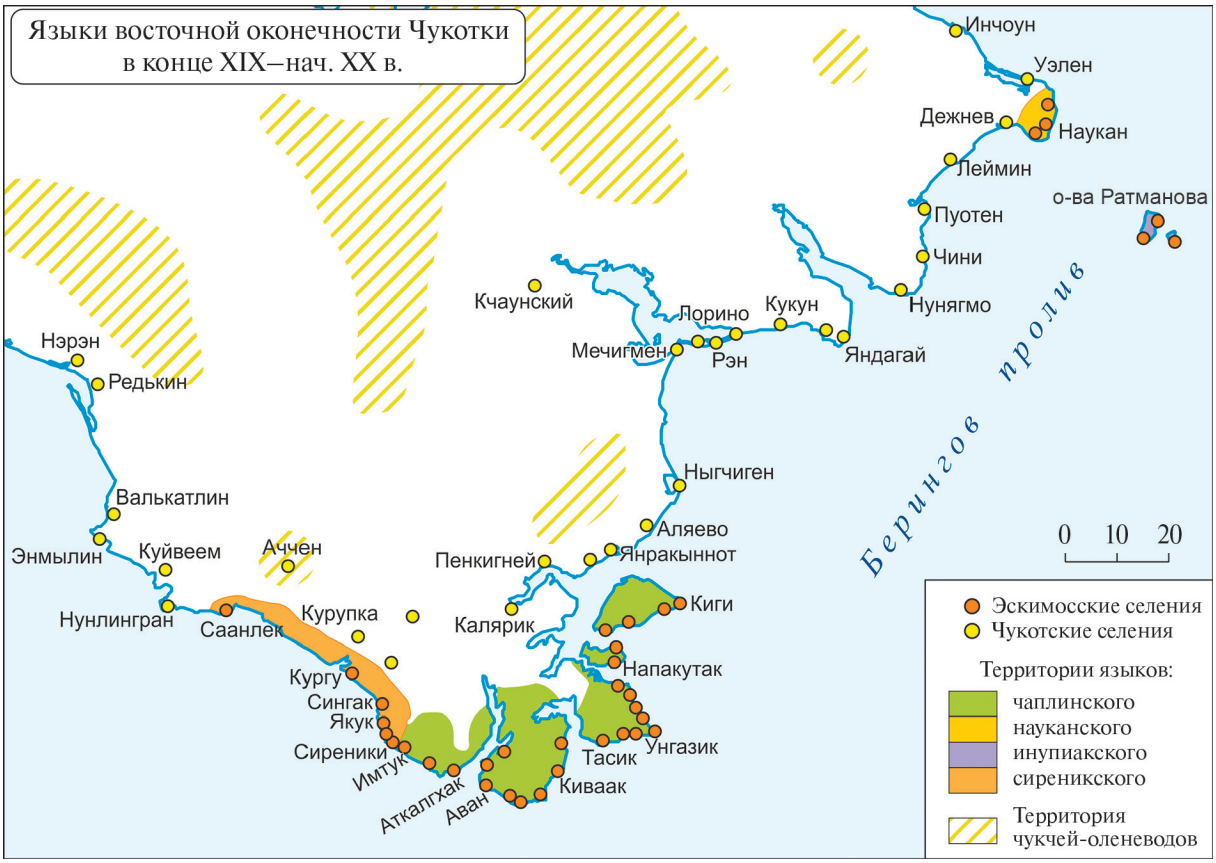

Рис. 2. Языки восточной оконечности Чукотки в конце XIX — нач. XX в. [17]; [11].

В самом Науканe чукотский язык функционировал достаточно активно. Когда в Наукан приезжали береговые чукчи, общение велось в основном на чукотском языке. Чукотский язык науканцам также важно было знать, чтобы осуществлять контакты с чукчами-оленеводами. Несмотря на то, что между вариантами чукотского языка существовали просодические различия, явно распознаваемые самими чукчами [1], с точки зрения грамматики язык сравнительно гомогенен и знавшие язык приморских селений науканцы свободно могли общаться с чукотскими оленеводами при обменах. Обмены происходили достаточно далеко от Наукана, вблизи от современных чукотских сел Нешкан и Лорино.

Нельзя сказать, однако, что чукотским владели все поголовно жители Наукана. Наши информанты, покинувшие Наукан в раннем детстве в связи с расселением поселка, в детстве знали только науканский, а чукотский выучили вынужденно, после переезда в чукотские села, попав после переселения в чукотоязычное окружение. Эта ситуация похожа на историю возникновения многоязычных репертуаров на крайнем западе чукотского ареала. Несмотря на широкую распространенность чукотско-эвенского и чукотско-эвенско-юкагирского многоязычия, юкагиры и эвены утверждали, что овладение чукотским языком, как правило, происходило не в раннем детстве, и даже впоследствии охватывало не всех взрослых членов сообщества. Владели языком те, кому приходилось совершать обмены, договариваться о сватовстве детей, на долгий срок уезжать к соседям на заработки, т.е. вести активную социальную жизнь. Таким образом, из многоязычной среды выпадали те, кто этого не делает, – как правило, дети и женщины, воспитывающие маленьких детей. То же самое утверждают и науканцы. И.В. Суворова вспоминает, что на чукотском хорошо говорили ее бабушка и дедушка, которые в основном занимались обменами с родственниками-чукчами, в то время как ни она, ни ее мама чукотского не знали. Ретроспективные интервью не дают оснований предполагать в Науканe в первой половине XX в. ситуацию языкового сдвига с науканского на чукотский язык.

Береговые чукчи, жители соседних с Науканом поселков, оставались монолингвами лишь до известной степени. Уроженка села Уэлен Валентина Кагьевна Вэкэт, чукотская писательница и прекрасный знаток культуры чукчей-морзверобоев,

упоминает, что в раннем детстве она сама немного владела науканским: «*Я раньше знала чуть-чуть науканский язык, диалекты. Я хорошо понимала... Ага, понимать понимала, но не очень хорошо говорила, разговаривали, но я их понимала. А потом забыла*».

5. Науканский и инупиакский. Науканско-инупиакское многоязычие

Наукан иногда называют третьим островом Диомида [12]; [9]; [18], настолько внешний вид этого каменистого мыса с крутыми берегами со стороны пролива напоминает остров, а его расположение удобно для перемещений по морю в сторону островов Диомида и аляскинского полуострова Сьюард. Отчасти из-за удобства перемещений к островам, отчасти, возможно, потому что традиция общаться с жителями островов Диомида сохранилась с тех пор, когда эти острова были заселены родственными по языку группами, науканцы были очень сильно ориентированы на контакт с инупиакоязычными эскимосами, заселявшими острова Диомида.

Инупиакский диалектный континуум принадлежит к инуитской группе эскимосских языков, языки которой распространены на огромной территории от западного побережья Аляски до Гренландии, и инупиакский вариант, распространенный на островах Диомида, является самым западным идиомом этой группы.

Тесные связи науканцев и инупиаков, контактировавших чаще и активнее, чем науканцы и их родственники по языку и соседи по Чукотскому полуострову чаплинцы, отмечаются еще в первоописании науканского языка, сделанного Г.А. Меновщиковым [19, с. 10].

Воспоминания как науканцев, так и инупиакоязычных жителей о. Диомид о контактах друг с другом и с чукчами подробно разобраны в работе [1]. По свидетельству Е.В. Головко, данные большинства интервью говорят о том, что как в Наукане, так и на островах Диомида, по крайней мере на Малом Диомиде, было широко распространено науканско-инупиакское двуязычие: “*Our work on both sides of the strait has convinced us that the number of Inupiaq speakers in Naukan and the number of NY speakers on Little Diomede were approximately equal*”[3] [1, с. 404]. Данные о наличии инупиакско-науканского двуязычия на островах Диомида приводятся и в работе [2]. Наши науканские информанты также отмечают постоянное общение с инупиаками, брачные связи, наличие друзей и родственников на островах Диомида. Ср., например, свидетельство И.В. Суворовой о том, что науканцы даже сочиняли песни на языке инупиак: «*Науканские эскимосы сочиняли для своих родственников на их диалекте, на имакликском диалекте. Был такой диалект. На Малом Диомиде, там, где наши родственники, говорили на их диалекте наши науканские и сочиняли песни, вот, на их диалекте*».

Упомянем здесь, что береговые чукчи Уэлена также контактировали и с инупиаками, жителями островов Диомида: “*There is evidence that some of most active Diomede travelers (for example, Moses Milligrock) had connections only with Uelen, and did not visit Naukan for once. It would be natural to assume that, in this case, there would be more reason for such travelers to learn some Chukchi*”[4] [1, с. 405]. В.К. Вэкэт, всё детство прожившая в Уэлене, вспоминает, как инупиаки, состоявшие в дальнем родстве с кем-то из ее родственников, приезжали несколько раз в Уэлен, останавливались у них в яранге. Однако, на каком языке разговаривали ее родители и эскимосы с островов Диомида, В.К. не знает. Когда они говорили между собой, она, владея науканским языком, не могла их понять, пряталась от них, как от чужих, и боялась их.

Таким образом, мыс Дежнева характеризуется активным науканско-инупиакско-чукотским многоязычием, причем «носителями» этого многоязычия были не только жители села Наукан. Соседние чукотские поселки, такие как Уэлен и Инчоун, также составляли периферию этой многоязычной зоны. То же самое можно сказать об островах Диомида, где было распространено инупиакско-науканское двуязычие, а возможно, и инупиакско-науканско-чукотское трехъязычие. Между людьми, проживавшими в этом ареале, существовали постоянные обмены, регулярно проходили встречи и визиты, подкрепляемые брачными связями. Внутри этого ареала были также широко распространены как эскимосские, так и чукотские имена [20]. Эта многоязычная и мультикультурная зона благодаря своему расположению играла большую роль и в межконтинентальных контактах, ср. [21].

[3] «Наша работа по обе стороны пролива убедила нас, что количество говорящих на инупиакском языке в Наукане и количество говорящих на науканском языке на Малом Диомиде было примерно равным».

[4] «Есть сведения, что некоторые из наиболее активных путешественников с островов Диомида (например, Мозес Милигрок) имели связи только с Уэленом и ни разу не посетили Наукан. Было бы естественно предположить, что в этом случае у таких путешественников будет больше причин выучить немного чукотского».

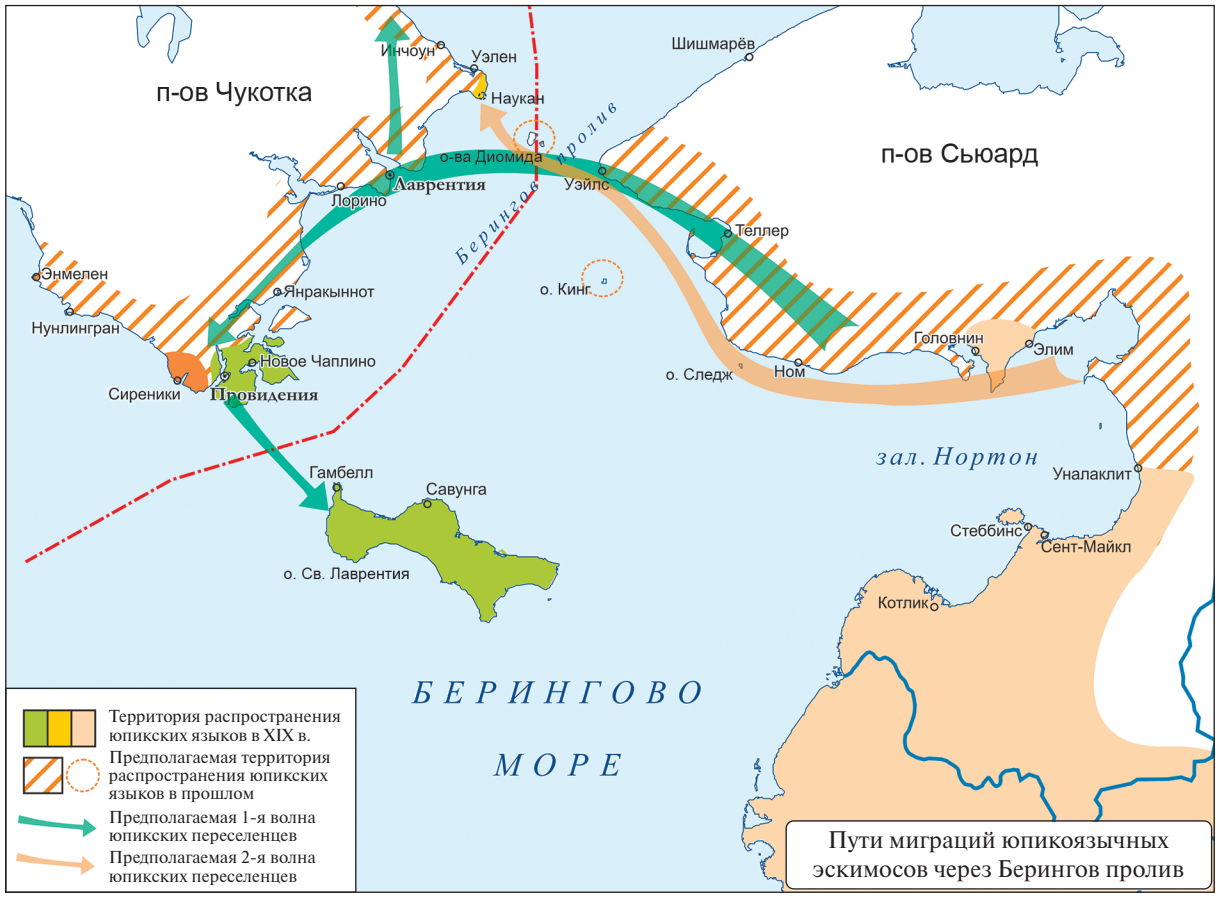

Рис. 3. «Юпикское кольцо». Гипотетическое распространение юпикских языков и пути их миграций в различные периоды их истории.

6. Науканский и чаплинский

6.1. Место чаплинского и науканского в юпикской группе. «Юпикское кольцо»

Прежде чем переходить к обсуждению степени интенсивности контактов чаплинского и науканского, попытаемся оценить степень близости этих языков в юпикском диалектном континууме.

Большинство исследователей, занимающихся юпикскими языками, признает гипотезу заселения Азии юпикоговорящими эскимосами из Северной Америки [22, с. 9–11]; [9, с. v–vi]; [14, с. xi]; [12] и др. Речь идет о так называемом юпикском кольце (термин из [12, с. 43]), см. рис. 3.

Сплошной заливкой на карте обозначены юпикские языки Берингии[5]. Рассмотрим сначала юпикские языки Аляски. Центральноюпикский распространен в основном по южному побережью залива Нортон, в то время как на северном побережье существует лишь один его анклав среди инупиакского языка: уналикский диалект, распространенный в поселках Элим и Головин. Однако инупиакские диалекты, широко распространенные по полуострову Сьюарда, обнаруживают ряд контактных черт, свойственных юпикским языкам, что позволяет предположить наличие юпикского субстрата, см. [2, с. 270]. Как упоминалось выше, науканский язык или родственные ему идиомы были распространены, вероятно, не только в Азии, но и на островах Диомида и на полуострове Сьюарда. Этот гипотетический юпикский континуум показан на карте косой штриховкой.

Перейдем теперь к азиатским юпикским языкам. К югу от науканского языка, со значительным перерывом, находится ареал распространения чаплинского языка (см. на карте современные поселки Новое Чаплино и Провидения). Скорее всего, ранее по всему побережью полуострова к югу от Наукана был распространен юпикский диалектный континуум, разделенный впоследствии чукотским языком. Лаврентийский

[5] На этой карте не показан юпикский язык алютик как периферийный для настоящего исследования.

диалект чаплинского языка[6] распространен также на острове Св. Лаврентия в Беринговом море, который при взгляде на карту кажется потенциально возможным пунктом для коммуникации с берегами Аляски. Однако на самом деле восточный берег о. Св. Лаврентия и устье Юкона разделяют более 150 км, что гораздо больше, чем между Науканом и островами Диомида (40 км). Ни лингвистические, ни исторические данные не подтверждают таких путей миграции эскимосов, см. [16, с. 265].

Таким образом, можно предположить, что общий ареал распространения носителей юпикских языков в различные периоды его истории образовывал подобие незамкнутого кольца вокруг Берингова моря. Как уже говорилось в начале этого раздела, лингвистические данные говорят о распространении юпикских языков из Аляски в Азию, а не наоборот, что в свою очередь свидетельствует об обратной миграции части эскимосов, заселивших до этого Америку из Азии по Беринговому мосту. Разумеется, этот сценарий не исключает того, что юпикоязычные эскимосы могли встретить на азиатском берегу другие эскимосоязычные племена, говорящие на более архаичных эскимосских языках, и смешаться с ними, о чем косвенно говорит позиция сиреникского эскимосского языка как либо одного из фундаментальных (*fundamental* – Краусс) языков эскимосской ветви, либо как сильно дивергировавшего языка юпикской ветви: “Sirenikski may well be one that never was in Alaska, or at least returned thence far yarlier” [18, с. 166].

Между чаплинским и его вариантом с острова Святого Лаврентия, с одной стороны, и центральноюпикским и его уналикским диалектом, с другой стороны, науканский представляет собой *mid-way stepping stone* ‘ступеньку на полпути’ [18, с. 169] и являет собой интереснейший объект для исследования в условиях чукотско-науканско-инупиакской многоязычной зоны. Чаплинский же замыкает юпикское кольцо, находясь в другом, чукотско-чаплинском многоязычном ареале, отграниченном от чукотско-науканско-инупиакского чукотской моноязычной зоной (см. рис. 4).

6.2. Науканский и чаплинский: свидетельства контактов и взаимопонятность

До середины XX в. науканский и чаплинский языки вместе с сиреникским языком считали диалектами одного языка – языка азиатских эскимосов. Многие жители Чукотки, как русские, так и чукчи, и сейчас считают, что эскимосы ЧАО говорят на одном языке – эскимосском, причем прототипически под эскимосским понимают именно более широко распространенный чаплинский язык. Все основные учебные материалы для обучения «эскимосскому языку» в советских школах и в педучилище в столице региона г. Анадыре были основаны на чаплинском языке. Лишь в последнее время раздаются голоса науканского сообщества, призывающие к признанию науканского языка: так, во время окружного фестиваля языков 2023 г. в городе Анадыре приветствия участников звучали не только на чукотском и «эскимосском» языке, но на чукотском, науканском и чаплинском.

Все науканцы и чаплинцы, с которыми мы говорили, подтверждают, что интенсивные контакты между их группами начались только с развитием советской инфраструктуры, образованием Чукотского района, к которому стали относиться обе эскимосские группы Чукотского полуострова. В настоящее время, когда престиж малых языков на Чукотке несколько поднялся, некоторые науканцы сознательно предпочитают учить чаплинский язык, считая его более витальным, «чтобы хоть было с кем разговаривать».

В.Г. Богораз, исследовавший в конце XIX – начале XX в. чукотский язык и другие идиомы северо-востока, имел опыт общения только с чаплинскими эскимосами, а в местах проживания науканцев никогда не бывал. Тем не менее, работая с чаплинской группой, он записал несколько текстов на науканском языке, представляющих собой переводы на науканский историй, записанных на чаплинском. Переводы были сделаны женой одного из его информантов, урожденной науканкой. Уверенный в том, что три эскимосских языковых варианта Азии есть диалекты одного языка, Богораз в числе прочего отмечает: “Indeed, I had occasion several times to witness the people of all three tribes conversing without difficulty, every one using his own dialect” [3, с. 20].

Н.Л. Гондатти, работавший на Чукотке в качестве государственного деятеля и собиравший также этнографический и лингвистический материал, напротив, свидетельствует о том, что взаимопонимание между эскимосами Азии было невозможно ввиду существенных различий между их языками. «Эти народности (*науканцы, чаплинцы и сиреникцы.* – Авт.) ...не понимают друг друга и объясняются между собою, большей частью, при помощи чукотского языка, весьма здесь распространенного» [23, с. 168].

[6] Диалект острова Св. Лаврентия подробно далее в этой работе не рассматривается.

Рис. 4. Зоны многоязычия на восточной оконечности Чукотки в конце XIX – нач. XX в.

Однако в работе, посвященной языковым практикам сообществ Берингова пролива [1], так же, как и в наших интервью, нет информации ни о рецептивном науканско-чаплинском билингвизме, ни об общении науканцев и чаплинцев посредством чукотского языка. Науканцы отмечали, что некоторые их предки владели чаплинским, но очень плохо. Один или два раза в год чаплинцы приезжали в Наукан. От Е.А. Добриевой мы даже записали легенду о приезде чаплинской женщины-силачки: «*У чаплинцев была очень сильная такая женщина. Они ее летом на кожаных байдарах возили от поселка к поселку, в чукотские эти села заходили и устраивали соревнования, боролись с женщиной, и она всегда одерживала победу. И они приехали, прибыли в Наукан, и к ней вышла дедова бабушка... Она вышла и поборола эту силачку из Чаплино*». Однако каких-то близких или родственных отношений, а также торговых обменов между чаплинцами и науканцами не было.

Сходство чаплинского и науканского языков, разумеется, осознается как науканцами, так и чаплинцами. Вот как описывается реакция деда Е.А. Добриевой на реплику на чаплинском языке (уже после образования Чукотского района и усиления контактных связей между чаплинцами и науканцами): «*Например, уже в мое время, я уже помню, с Чаплина приезжают эти чаплинцы, все науканцы вниз спускаются мужчины, помогают вельботы вытащить, зафиксировать их веслами, чтобы эти вельботы не упали. Вот один подходит, я так хорошо помню. Вот у него это кончик носа как бы это крючком свисал, и говорит деду на чаплинском языке: “мы прибыли”, а на науканском языке это обозначает “мы стукнулись”. Дед у нас очень такой острый на язык... и говорит: “Ну, говорит, стукнулись, то-то у тебя нос так сплющился...”*».

Таким образом, очевидно, чаплинско-науканский билингвизм в XIX–XX вв. вряд ли был распространенным явлением. Нельзя отрицать, что было возможно упоминаемое Богоразом частичное взаимопонимание чаплинцев и науканцев, встретившихся случайно, ввиду генетической близости их языков. Об этом говорит, в частности, моментальная реакция деда Е.А. Добриевой на реплику носителя чаплинского языка. Однако

наличие стойкого рецептивного билингвизма, при котором обе стороны хорошо понимают языки друг друга, но не говорят на них, предполагать не приходится из-за отсутствия интенсивных контактов, родственных связей и необходимости обменов между этими группами.

Как уже говорилось, на мысе Дежнева и островах Диомида четко выделяется науканско-инупиакско-чукотский многоязычный ареал. Однако повторимся, что с восточной стороны от чукотской моноязычной зоны нельзя выделить один чукотско-юитский многоязычный ареал; скорее, там существовало два обособленных многоязычных ареала, разделенных чукотской моноязычной зоной, см. рис. 4.

Еще одним фактом, свидетельствующим в пользу разграничения этих зон, является засвидетельствованное на мысе Дежнева и островах Диомида науканско-инупиакское двуязычие, в то время как среди чаплинцев носителей инупиакского языка не отмечено. Чукотский клин разделил, таким образом, не только юпикский диалектный континуум, образовав «новые» языки, но и создал два обособленных сообщества с различными многоязычными практиками.

6.3. Заимствования из чукотского в науканский: подсчет в сравнении с чаплинским

В связи с функционированием науканского языка в обособленном от чаплинского (чаплинского-чукотского) науканско-инупиакско-чукотском многоязычном ареале можно предположить, что его контакты с чукотским языком были также в достаточной степени независимы от чаплинско-чукотских контактов. Вместе с тем перед разделением чаплинского и науканского с чукотским, несомненно, контактировал некий идиом, предшествовавший этим языкам, и чукотские заимствования, появившиеся в нем, сохранились, очевидно, в обоих языках. Чтобы оценить степень независимости чукотско-науканских контактов, было проведено количественное сравнительное исследование заимствований из чукотского языка в науканский и чаплинский языки.

Г.А. Меновщиков уже в «Грамматике языка азиатских эскимосов» посвящает чукотским заимствованиям в «азиатский эскимосский» целый раздел в конце книги. Он пишет: «Проникновение в язык азиатских эскимосов чукотских наречий, частиц, модальных слов и союзов оказало огромное влияние на образование в нем новых служебных и модальных слов как за счет соединения слов и частиц эскимосского языка, так и за счет соединения чукотских и эскимосских лексических и морфологических элементов» [19, с. 270]. Однако в разделе книги упоминается лишь влияние чукотского на «язык азиатских эскимосов», подробности влияния отдельно на науканский «диалект» не рассматриваются. Взаимодействие чукотского и чаплинского языков подробно рассмотрено в фундаментальной работе B. De Руза Siberian Yupik Eskimo: The Language and Its Contacts With Chukchi[7]. Отдельно представлены обширные списки particle и non-particle loanwords. Де Руз также пишет о том, что практически все слова из его списков имеют соответствия в науканском и сиреникском и что, в частности, науканский язык включает даже больше чукотских заимствований, чем чаплинский [24, с. 346]. Существует, однако, малоизвестная работа [25], где даются списки заимствований из чаплинского и науканского, где видно, что некоторые чукотские заимствования, имеющиеся в чаплинском, отсутствуют в науканском, и наоборот. Согласно этим спискам, в чаплинском имеется девять заимствований, отсутствующих в науканском, а в науканском – шесть заимствований, отсутствующих в чаплинском, что не подтверждает предположения Де Руза о том, что в науканском должно быть больше заимствований, чем в чаплинском.

В рамках настоящего исследования мы подошли к этой проблеме с помощью количественных методов. Мы посчитали чукотские заимствования в науканском языке по словарю [9], выписывая их постранично, а чаплинские – по наиболее полному списку чукотских заимствований в чаплинский, сопровождающему в качестве приложения словарь [10].

Из сформированной таким образом группы науканских заимствований были исключены топонимы и «возможные» заимствования, а из группы чаплинских заимствований все «предположительно чукотские» заимствования. Интересно, что количество чукотских заимствований в результате получилось почти одинаковым – 277 заимствований в науканский и 282 заимствования в чаплинский. Это число очень велико по сравнению с чукотско-юкагирско-эвенской контактной зоной: зафиксировано лишь 4 чукотских заимствования в юкагирский и 3 в нижнеколымский эвенский языки. Затем было проведено сравнение списков чукотских заимствований в науканском и чаплинском, для чего список заимствований в науканском пришлось дополнить исходными чукотского формами из словаря [26], так как

[7] «Сибирские эскимосы-юпики: их язык и его контакты с чукотским».

Таблица 1. Заимствования из чукотского языка в науканский и чаплинский языки

Язык/диалект	Всего	Топонимы	Возможные	Без возможных и топонимов	Совпадения	Совпадения, %
Науканский	321	38	6	277	80	29
Чаплинский	367	0	85	282	80	28
Лаврентийский	295	0	65	230	65	28

Таблица 2

Язык	Частицы и наречия среди заимствований	Доля от общего числа заимствований
Науканский	62	22%
Чаплинский	97	34%
Общие заимствования между наук. и чапл.	39	49%

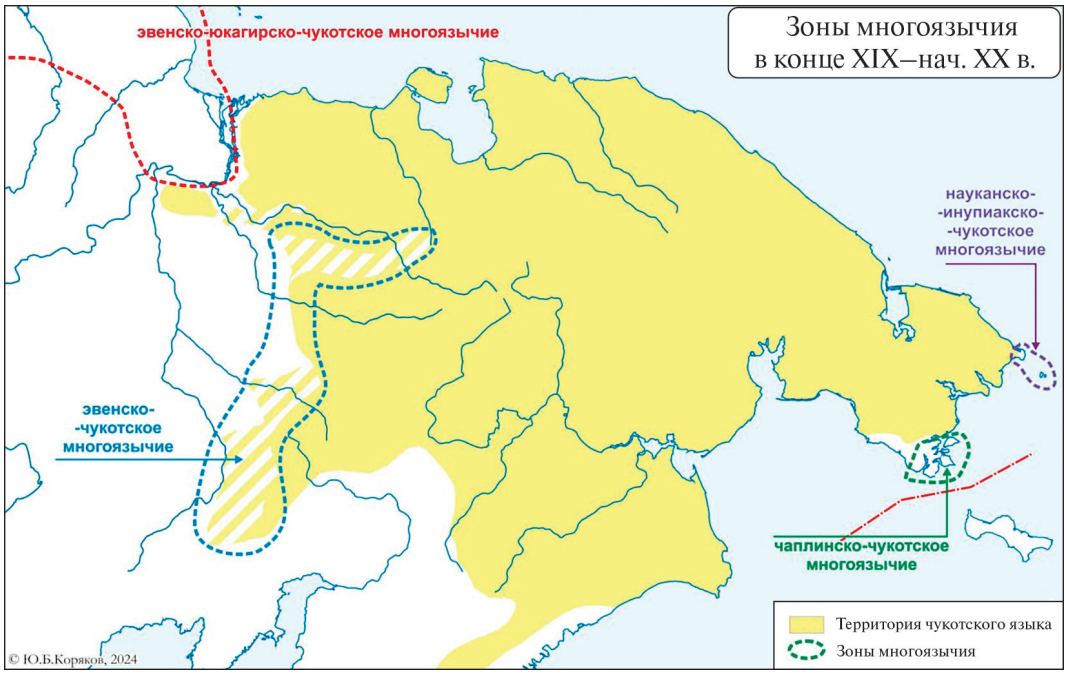

Рис. 5. Зоны многоязычия на крайнем северо-востоке Евразии в конце XIX в. [4]; [5]; [27].

не для всех лексем такие формы указаны в словаре. В результате такого сравнения удалось выявить лишь 80 чукотских лексем, которые были заимствованы и в науканский, и в чаплинский. Это составляет 28–29% от общего числа заимствований. Указанные числа приведены в табл. 1.

Таким образом, по данным современных словарей, всего треть чукотских заимствований фиксируется одновременно и в чаплинском, и в науканском, т.е. именно эти заимствования проникли, вероятно, в некий предковый юпикский идиом, предшествовавший разделению языков.

Как и следовало ожидать, значительную часть среди них составляют частицы и наречия (см. табл. 2), причем наиболее высока их доля в совпадающих заимствованиях.

Приведенные данные являются еще одним, лингвистическим, свидетельством в пользу достаточно длительного обособленного существования науканско-чукотско-инупиакской контактной зоны.

Выводы, результаты и перспективы исследования

В статье были рассмотрены свидетельства контактов носителей науканского языка с носителями

чукотского, инупиакского и чаплинского языков. Многоязычный науканско-чукотско-чаплинский ареал включал Наукан и в прошлом другие науканоговорящие поселки, чукотские поселки Уэлен и Инчоун и острова Диомида, и был отграничен от зоны распространения чаплинского языка, являющейся также чукотско-чаплинской многоязычной зоной, моноязычным чукотским «клином». Это же моноязычное сообщество, состоящее в основном из кочевых оленных чукчей и занимающее обширную территорию, отделяет небольшую науканско-инупиакско-чукотскую трехъязычную зону от западной части чукотского ареала, где в конце XIX века было распространено чукотско-эвенско-юкагирское трехъязычие, перетекающее к югу в чукотско-эвенское двуязычие (рис. 5).

Данные сравнительного исследования заимствований из чукотского языка в чаплинский и науканский также свидетельствуют о том, что науканско-чукотско-инупиакский ареал функционировал независимо от чукотско-чаплинского в течение достаточно длительного времени, в течение которого контакты чаплинцев и чукчей и науканцев и чукчей происходили независимо друг от друга.

Приведенные сравнительные данные могут помочь прояснить и некоторым образом «измерить» динамику расхождения близкородственных идиомов, науканского и чаплинского языков юпикской группы. Следующим шагом исследования должно стать более подробное качественное исследование состава чукотских заимствований, а также исследование влияний чукотского на юитские языки на морфологическом / фонетическом уровне. Одновременно с этим перспективным представляется углубленное исследование науканско-инупиакских заимствований на различных языковых уровнях.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

наук. – науканский [nauk. – Naukan]

северноюк. – северноюкагирский [severnoyuk. – Northern Yukaghir]

чапл. – чаплинский [chapl. – Central Siberian Yupik]

чук. – чукотский [chuk. – Chukchi]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Golovko E.V.* Languages and identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century // Acta Linguistica Petropolitana. 2019, Vol. 15, № 3, pp. 391–424.

2. *Kaplan L.D.* Seward Peninsula Inupiaq and language contact around Bering Strait // Marc-Antoine Mahieu, and Nicole Tersis (eds.), Variations on polysynthesis. The Eskimo-Aleut languages. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 261–272.

3. *Bogoras W.* The Chukchee. Leiden: Brill, 1904.

4. *Пупынина М.Ю., Коряков Ю.Б.* География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX – начале XX века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 1 (23). С. 69–82.

5. *Пупынина М.Ю., Аралова Н.Б., Коряков Ю.Б.* География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX – начале XX века. Часть 2. Эвены и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 1 (27). С. 44–60.

6. *Pupynina M.* Multilingualism in the Lower Kolyma Region // International Journal of Eurasian Linguistics. 2020, Vol. 2, No. 1, pp. 149–157.

7. *Pupynina M., Aralova N.* Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends // International Journal of Bilingualism. Special issue 'Typology of small-scale multilingualism'. 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 1–20.

8. *Пупынина М.Ю., Мордашова Д.Д.* Свидетельства языковых контактов в Колымско-Алазейской тундре в XIX – начале XX века. Тундренные юкагиры и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 56–77.

9. *Головко Е.В., Джейкобсон С., Добриева Е.А., Краусс М.* Словарь языка науканских эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004.

10. *Badten L.W., Kaneshiro V.O., Oovi M., Jacobson S.A.* A Dictionary of the St. Lawrence Island / Siberian Yupik Eskimo Language. 2 vols. 2nd edition. Fairbanks: Alaska Native Language Center, College of Liberal Arts, University of Alaska, Fairbanks, 2008.

11. *Krupnik I., Chlenov M.* Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

12. *Членов М.А., Крупник И.И.* Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы науч.-практ. конф. Анадырь, 12–14 апр. 2016 г. Вып. 1. М.; Анадырь, 2016. С. 38–74.

13. *Краусс М.* Введение: общие и исторические сведения // Головко Е.В., Джейкобсон С., Добриева Е.А., Краусс М. Словарь языка науканских

эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004.

14. *Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L.* Comparative Eskimo Dictionary, with Aleut Cognates. Fairbanks: University of Alaska Press, 1994.

15. *Fortescue M.* How Far West into Asia Have Eskimo Languages Been Spoken, and Which Ones? // Études/Inuit/Studies. 2004, Vol. 28, No. 2, pp. 159–183.

16. *Jacobson S.A.* Comparison of Central Alaskan Yup'ik Eskimo and Central Siberian Yupik Eskimo // International Journal of American Linguistics. 1990, Vol. 56, No. 2, pp. 264–286.

17. *Павловский В.Н.* Чукотский полуостров – Аляска. Карта (4 листа). Масштаб 1:2 000 000. М.: Б. и., 1947.

18. *Krauss M.* Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island–Point Hope Connection // Études/Inuit/Studies. 2005, Vol. 29, No. 1–2, pp. 163–186.

19. *Меновщиков Г.А.* Язык науканских эскимосов. Л.: Наука, 1975.

20. *Schweitzer P.P., Golovko E.V.* Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Personal Naming in the Bering Strait Area // Arctic Anthropology. 1997, Vol. 34, No. 1. Power, Resistance, and Security: Papers in Honor of Richard G. Condon, Steven L. McNabb, Aleksandr I. Pika, William W. Richards, Nikolai Galgauge, Nina Ankalina, Vera Rakhtilkon, Boris Mymykhtikak, and Nikolai Avanum. P. 167–180.

21. *Golovko E.V.* The Naukan Yupik as Mediators in the Intercontinental Travel in the Bering Strait Area: a sociolinguistic perspective // К 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: Сборник статей // Ред. Е.И. Риехакайнен и Н.А. Слепокурова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 47–60.

22. *Krauss M.* Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // Alaska Native Language Center Research Paper 4. Fairbanks: University of Alaska, 1980.

23. *Гондатти Н.Л.* Население Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 3. Вып 1. С. 166–178. Хабаровск: РГО, 1897.

24. *de Reuse W.J.* Siberian Yupik Eskimo. The Language and Its Contacts with Chukchi. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.

25. *Меновщиков Г.А.* Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики и эскимосский язык // П.Я. Скорик (ред.). Палеоазиатские языки: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1986.

26. *Молл Т.А., Инэнликэй П.И.* Чукотско-русский словарь. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2005.

27. *Pupynina M., Koryakov Yu.* Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift // Sibirica. 2019, Vol. 18, No. 2, pp. 78–124.

REFERENCES

1. Golovko, E.V. Languages and identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century. Acta Linguistica Petropolitana. 2019, Vol. 15, No. 3, pp. 391–424.

2. Kaplan, L.D. Seward Peninsula Inupiaq and language contact around Bering Strait. Marc-Antoine Mahieu, and Nicole Tersis (eds.), Variations on polysynthesis. The Eskimo-Aleut languages. John Benjamins. Amsterdam, 2009, pp. 261–272.

3. Bogoras, W. The Chukchee. Leiden: Brill Publ., 1904.

4. Pupynina, M.Ju., Koryakov, Ju.B. *Geografija mnogojazyčija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – načale XX veka* [Geography of the Multilingualism of the Kolyma-Alazeya Tundra Peoples in the late 19th – early 20th Centuries]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2019, No. 1 (23), pp. 69–82. (In Russ.)

5. Pupynina, M.Ju., Aralova, N.B., Koryakov, Ju.B. *Geografija mnogojazyčija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – načale XX veka. Čast 2. Èveny i ix kontakty s sosedjami* [Geography of the Multilingualism of the Kolyma-Alazeya Tundra Peoples in the late 19th – early 20th Centuries. Part 2. Evens and Their Contacts with Neighbors]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2020, No. 1 (27), pp. 44–60. (In Russ.)

6. Pupynina, M. Multilingualism in the Lower Kolyma Region. International Journal of Eurasian Linguistics. 2020, Vol. 2, No. 1, pp. 149–157.

7. Pupynina, M., Aralova, N. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. International Journal of Bilingualism. Special issue "Typology of small-scale multilingualism". 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 1–20.

8. Pupynina, M.Ju., Mordašova, D.D. *Svidetelstva jazykovyx kontaktov v Kolymsko-Alazejskoj tundre v XIX – načale XX veka. Tundrennye jukagiry i ix kontakty s sosedjami* [Evidence of Language Contacts in the Kolyma-Alazeya Tundra in the 19th – early 20th Centuries. Tundra Yukaghirs and Their Contacts with Neighbors]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2022, No. 1 (35), pp. 56–77. (In Russ.)

9. Golovko, E.V., Jacobson, S., Dobrieva, E.A., Krauss, M. *Slovar jazyka naukanskix eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo Language. C. 6,000 Words, with an Index of Suffixes and a List of Place Names].

Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Center for the Study of Native Languages Publ., 2004. (In Russ.)

10. Badten, L.W., Kaneshiro, V.O., Oovi, M., Jacobson, S.A. A Dictionary of the St. Lawrence Island – Siberian Yupik Eskimo Language. 2 vols. 2nd edition. Fairbanks: Alaska Native Language Center, College of Liberal Arts, University of Alaska, Fairbanks, 2008.

11. Krupnik, I., Chlenov, M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

12. Chlenov, M.A., Krupnik, I.I. *Naukan: glavy k istorii* [Naukan: chapters for history]. *Spasti i soxranit': Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy soxranenija: materialy nauch.-prakt. konf.* [Save and Preserve: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects for Preservation: Materials of Scholar Conference]. Anadyr, April 12–14, 2016. Issue 1. Moscow, Anadyr, 2016, pp. 38–74. (In Russ.)

13. Krauss, M. *Vvedenie: obshie i istoricheskie svedenija* [Introduction: General and Historical Information]. Golovko, E.V., Jackobson, S., Dobrieva, E.A., Krauss, M. *Slovar jazyka naukanskix eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo Language. C. 6,000 Words, with an Index of Suffixes and a List of Place Names]. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Center for the Study of Native Languages, 2004. (In Russ.)

14. Fortescue, M., Jacobson, S., Kaplan, L. Comparative Eskimo Dictionary, with Aleut Cognates. Fairbanks: University of Alaska Press, 1994.

15. Fortescue, M. How Far West into Asia Have Eskimo Languages Been Spoken, and Which Ones? Études Inuit Studies. 2004, Vol. 28, No. 2, pp. 159–183.

16. Jacobson, S.A. Comparison of Central Alaskan Yupik Eskimo and Central Siberian Yupik Eskimo. International Journal of American Linguistics. 1990, Vol. 56, No. 2, pp. 264–286.

17. Pavlovskiy, V.N. *Chukotskij poluostrov – Aljaska. Karta (4 lista)* [Chukotka Peninsula – Alaska. Map (4 sheets)]. Scale 1:2,000,000. Moscow, 1947. (In Russ.)

18. Krauss, M. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island–Point Hope Connection. Études Inuit Studies. 2005, Vol. 29, No. 1–2, pp. 163–186.

19. Menovshikov, G.A. *Jazyk naukanskix eskimosov* [Language of the Naukan Eskimos]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. (In Russ.)

20. Schweitzer, P.P., Golovko, E.V. Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Personal Naming in the Bering Strait Area. Arctic Anthropology. 1997, Vol. 34, No. 1. Power, Resistance, and Security: Papers in Honor of Richard G. Condon, Steven L. McNabb, Aleksandr I. Pika, William W. Richards, Nikolai Galgauge, Nina Ankalina, Vera Rakhtilkon, Boris Mymykhtikak, and Nikolai Avanum, pp. 167–180.

21. Golovko, E.V. The Naukan Yupik as Mediators in the Intercontinental Travel in the Bering Strait Area: a sociolinguistic perspective. *K 150-letiju kafedry obŝego jazykoznanija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Sbornik statej* [On the 150th Anniversary of the Department of General Linguistics of St. Petersburg State University: Collection of Articles]. E.I. Riexakajnen & N.A. Slepokurova (eds.). St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2015, pp. 47–60.

22. Krauss, M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future. Alaska Native Language Center Research Paper 4. Fairbanks: University of Alaska Publ., 1980.

23. Gondatti, N.L. *Naselenie Anadyrskoj okrugi* [Population of the Anadyr Region]. *Zapiski Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshestva* [Notes of the Amur Department of the Russian Geographical Society]. Vol. 3, Issue 1, pp. 166–178. Khabarovsk: RGO Publ., 1897. (In Russ.)

24. de Reuse, W.J. Siberian Yupik Eskimo. The Language and Its Contacts with Chukchi. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.

25. Menovshikov, G.A. *Eskimossko-chukotskij bilingvizm i interferencija chukotskoj periferijnoj leksiki i eskimosskij jazyk* [Eskimo-Chukchi Bilingualism and Interference of Chukchi Peripheral Vocabulary and the Eskimo Language]. Skorik P. Ja. (ed.). *Paleoaziatskie jazyki: sbornik naučnyx trudov* [Paleoasiatic Languages: Collection of Scholarly Works]. Leningrad: Nauka Publ., 1986.

26. Moll, T.A., Inènlikèj, P.I. *Chukotsko-russkij slovar* [Chukotka-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Branch of the publishing house "Prosveshenie", 2005. (In Russ.)

27. Pupynina, M., Koryakov, Yu. Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift. Sibirica. 2019, Vol. 18, No. 2, pp. 78–124.

Дата поступления материала в редакцию: 18 октября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 ноября 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 18, 2023
Revised on November 25, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024